

— Меня тоже вывернуло наизнанку, всю желчь изошёл. Весь городок будто вымер — живые давно разбежались, мёртвые так и лежали на улицах. Меня трясло, ноги подкашивались, может, от страха. Сидел на мостовой с рассвета до заката, пока коллеги из студии не нашли. Вместе его и похоронили.

— И потом ты вернулся на родину? — спросил Сью Сицзин.

— Нет, сначала в Америку, студию распустил. Потом к психотерапевту ходил. — Динцзы горько усмехнулся. — Может, я слабак, а может, никто такого удара не выдержит. Понял, что болен — болезнь внутри, снаружи не видно, только сам знаю. То ли врач был неопытный, то ли ещё что, но два года лечения — и ноль улучшений. Сдался. Взял камеру, стал снимать. В тот городок возвращался — на могилу к нему.

— Перед поездкой трясся от страха. Боялся снова увидеть ту картину, себя морально готовил. А приехал — бунт давно утих, городок отстроили. Дни, когда свистели снаряды, оказались лишь чёрной полосой. Выжившие — живут дальше.

— Значит... преодолел психологический барьер? Вернулся к нормальной жизни?

— Вроде того. После той поездки вернулся на родину, новую студию организовал. Если с головой в работу — боль отступает. — Динцзы докурил последнюю сигарету, щёлкнул Сью Сицзину:

— История закончилась. Ещё вопросы есть?

Сью Сицзин покачал головой. Динцзы, хихикая, объявил:

— Раз вопросов нет — я начинаю за тобой ухаживать.

Сью Сицзин съёжился на пассажирском сиденье:

— Твоя психическая болезнь — это что, непрекращающийся гормональный всплеск?

Динцзы покрутил пальцем:

— Как раз наоборот — я людей боюсь. Не скажешь по мне, да?

Динцзы был непробиваем. Сью Сицзин, не зная, что делать, взмолился:

— Пожалуйста, не говори такого. Если он узнает — мне конец.

Динцзы повернулся к нему серьёзно:

— Я же объяснил, что значит любить. А ты его любишь? — Сью Сицзин замешкался, слегка покачал головой. — Раз не любишь, и он не единственный — что мешает? Боишься, карьеру испортит? Если талант есть — пробьёшься и без него. Считаешь его короткой дорогой к успеху — и как, идётся легко или еле ноги волочишь?

— Я не такой, как вы...

— Знаю, — перебил Динцзы. — Хочешь сказать: мы с золотой ложкой во рту родились, не знаем, как вам, простым смертным, тяжело, и как возможности важны. Но у всех своя боль. Не приукрашивай чужую жизнь и не усложняй свою. Так жить — не устаёшь?

Сюй Сицзин не нашёлся что ответить, угрюмо опустил голову. Динцзы снова усмехнулся:

— К тому же, моё ухаживание — моё дело. Какое тебе дело? Если он из-за этого на тебя наезжать станет — совсем не мужик.

— А ты? Его уже забыл? Можешь с чистого листа начать? — вдруг спросил Сюй Сицзин.

— А при чём тут забытьё? Я же говорил: живые должны жить. В живом трупe превращаться — смысла нет. Жизнь — миллион возможностей. Не строй себе тюрьму. — Динцзы повернулся и ослепительно улыbnулся:

— Такие вопросы задаёшь — кажется, ты уже о нас думаешь.

Сюй Сицзина снова прижали к стенке. Он замолчал, решив больше не лезть в эту тему. Сплетничать за спиной он не любил, поэтому стал лихорадочно вспоминать какие-нибудь нейтральные истории. Динцзы подыгрывал, смеялся. Так и дотянули до места.

Они приехали в деревушку на окраине. Окрестные посёлки уже превратили в туристические аттракционы, а здесь ещё сохранилась простая сельская жизнь. Динцзы припарковался у реки, прямо перед домом с аккуратным двором.

— Ну как? — с гордостью спросил он. — Специально прикупил. Приезжаю иногда.

Сюй Сицзин зашёл внутрь. Гостиная, спальня, кухня — всё есть. В гостиной — камин с небольшой угольной печкой. Уютно, по-домашнему.

— Хорошо, — кивнул он.

Барбекю он никогда не делал, но с огнём знаком был. Уселся во дворе на табуретке, перебирая дрова, и наконец скомандовал Динцзы:

— Сходи к соседям, одолжи немного. Эти слишком сырые — не разгорятся.

Динцзы как раз разгружал машину. Подошёл, глянул, одобрительно хмыкнул:

— А ты знаток.

Сюй Сицзин отбросил ветки в сторону:

— В детстве бедно жили. Дети рано работу начинали. Я мелкий был, до плиты не доставал — только огонь разводил.

Он редко вспоминал жизнь до усыновления. Сейчас слова дались не так тяжело. Динцзы притащил второй табурет, сел напротив, жестом показал:

— Ну да, и сейчас не гигант.

Только начали нормальный разговор — снова подколка. Сюй Сицзин толкнул его:

— Я тебе за дровами идти велел, а ты чего уселся?

Динцзы вскоре вернулся с огромной охапкой. Сюй Сицзин фыркнул:

— Ты что, соседей обобрал? Просил немного — угли разжечь, а ты на целый пир притащил.

Динцзы удивился:

— Ты же не опытен, откуда знаешь?

Сюй Сицзин развёл руками:

— Только это и знаю. Дальше — твоя работа.

Мангал и приправы были на месте. Динцзы нарезал мясо, замариновал, вышел досиговывать овощи на шпажки. Сюй Сицзин всё на том же табуретке сидел. Наполовину закончив, вдруг спохватился:

— Ой! Руки не помыл!

Динцзы расхохотался. Сюй Сицзин сердито буркнул:

— Всё равно. Не мыто — значит, здорово. Ты же тоже есть будешь.

Динцзы поспешно закивал:

— Буду, буду. Раз молодой господин приказал.

Приехали они уже к полудню. Сюй Сицзин с утра ничего не ел, давно проголодался. Динцзы, как человек предусмотрительный, прихватил готовой еды — подкрепились и за барбекю принялись.

Сюй Сицзин не умел, поэтому сидел, наблюдал. Динцзы сам мяса не ел, но первым делом поджарил для Сюй Сицзина два куриных крылышка. Тому стало неловко:

— Давай я тебе что-нибудь приготовлю. Баклажан, например?

Динцзы остановился, с улыбкой наблюдая. Первый блин, как водится, вышел комом — баклажан обуглился. Динцзы поднял шпажку, осмотрел:

— Неплохо. Ещё чуть-чуть — и в печку вместо угля отправишь.

Сюй Сицзин покраснел от досады. Динцзы взял его руки в свои, показал, как правильно:

— Намажь соусом, масло в нём есть — не пригорит.

Второй баклажан зашипел, покрылся аппетитной корочкой. Динцзы откусил, одобрил:

— Неплохо. Способный ученик. — Потом спросил:

— Такой триумфальный момент — и не сфоткаешь, в соцсетях не похвастаешься?

Сюй Сицзин покачал головой:

— Не пользуюсь.

Динцзы взглянул на него:

— И правильно. А то куча друзей-однодневок, а настоящих — ни одного.

Жарили, ели, насыщения не замечали. К вечеру Сюй Сицзин, потирая живот, заявил, что

больше не может — ночью не уснёт. Мяса он умял изрядно, тяжесть в желудке давала о себе знать. Динцзы убрал вещи в дом, предложил прогуляться.

<http://bllate.org/book/16267/1463802>